Андрей Леонидович ДМИТРОВСКИЙ

КАТЕГОРИЯ НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ МЕДИАИССЛЕДОВАНИЙ КАК ДИСКУРС

В статье описана попытка сформулировать матрицу методов медиаисследований, основанную на универсальных общенаучных категориях, а также накопленном потенциале методологической базы гуманитарной парадигмы (в частности, как феномена дискурсивного поля). В рамках понятий «методологическая культура» исследователя и «персональная исследовательская парадигма», была выделена категория «научно-методологическое поле», систематизирующая методологический хаос теории журналистики и дающая общие ориентиры исследователям для построения единой метатеории журналистики.

Ключевые слова: *Экзистенциальная теория журналистики, дискурс, дискурсивное поле, научно-методологическое поле, персональная исследовательская парадигма, методология медиаисследований, матрица методов.*

Andrey L. DMITROVSKY

CATEGORY OF SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL FIELD OF MEDIA RESEARCH AS A DISCOURSE

The author describes a matrix of media research methods based on universal general scientific categories, as well as the accumulated potential of the methodological base of the humanitarian paradigm (in particular, as a phenomenon of the discursive field). Within the concepts of "methodological culture" of the researcher and "personal research paradigm", the author identifies the category "scientific and methodological field", which systematizes the methodological chaos of the theory of journalism and provides general guidelines for researchers to build a unified meta-theory of journalism.

Keywords: *existential theory of journalism, discourse, discursive field, scientific and methodological field, personal research paradigm, methodology of media research, matrix of methods.*

Введение

Ни для кого не является секретом тот факт, что в теории журналистики царит методологический мультиплюрализм. Это значит, что отсутствует даже общее представление – в каком направлении развивать науку, и на каком, соответственно, фундаменте строить её методологию.

Данная ситуация обусловлена массой причин, основными из которых можно назвать следующие: потенциал наследия Белинского-Ленина – воспринятый советской теорией печати – доведённый было уже до первых теоретических (системных) обобщений, так и не был раскрыт, тем более, не раскрыт он сегодня; сказалось, по всей видимости, доминирующее господство социологического и филологического методологических подходов, не предполагающих относительно журналистики сколь-нибудь фундаментальных

теоретических обобщений; общая направленность большинства медиаисследований на эмпирически-прикладные проблемы непосредственной журналистской деятельности; «засорённость» методологического поля науки о журналистике методиками и подходами других наук, порождающая категориально-методологический хаос; огромное влияние западных концепций и доктрин, зачастую носящих идеологизированный или просто ложный, ошибочный, либо мифологизированный характер (См. Прим.1); как следствие, слабой методологической подготовкой даже ведущих медиаисследователей (на что прямо указывают философы и методологи науки (Иващенко, Науменко, 1999).

Очевиден факт: *методологией науки накоплен огромный потенциал инструментов познания и принципов организации и интерпретации знания, но теорией журналистики он не освоен*. Очевиден также и следующий тезис: *необходимо структурировать научно-методологическое исследовательское поле науки о журналистике*. Об этом и пойдёт речь ниже. Однако стоит отметить, что прежде чем браться за описание непосредственно «методологической матрицы» для исследования и описания феномена журналистики, необходимо хотя бы в первом приближении разобраться с общим пониманием структуры категории «научно-методологическое поле (социогуманитарной парадигмы) как система» (в рамках которой – социогуманитарной парадигмы – и ведутся основные исследования медиа).

Основная гипотеза исследования сводилась к мысли о том, что научно-методологическое поле (Н-МП) представляет собой структуру с информационно-полевым принципом организации. В ходе анализа массива научного инструментария выяснилось, что весьма близкой категорией, достаточно хорошо разработанной в науке, оказалась категория дискурса и дискурсивного поля. Однако главный результат предполагался не в том, чтобы установить сходство научно-методологического с дискурсивным полем, а в обосновании его вертикального и – шире – иерархически-уровневого строения. Соответственно предполагалось, что в зависимости от уровня на котором производится исследование, различными будут как масштаб и форма представления исследуемой реальности (факт – проблема – закономерность), так и – главное – набор научно-методологического инструментария учёного (приём-методика-метод – методологический подход – метатеория). А также способы интерпретации знаний.

Теория и методология

Для достижения поставленной цели была сконструирована соответствующая методология исследования. В «основание сборки» была положена философская антропология, как ведущий принцип

социогуманитарной парадигмы современной постнеклассической научной картины мира. Его суть – в утверждении принципиальной **субъектности** любой человеческой деятельности.

На уровне теоретико-журналистских знаний (теорий частного уровня) были использованы наработки ведущих теоретиков и методологов науки о журналистике – Е.П.Прохорова, С.Г.Корконосенко, В.В.Тулупова, М.Н.Кима, Т.В.Науменко, Е.А.Кожемякина, М.В.Загидуллиной и многих других, а также ряд положений Экзистенциальной теории журналистики (как общей (мета) теории журналистики).

На уровне общенаучной методологии были использованы: системный принцип в его структурном аспекте; формально-логический метод определения понятий (Светлов, 2006); понятийно-категориальный метод; а также несколько вариаций триалектического подхода. В частности, метод триадической дешифровки категорий (Боуш, 2020: 172-174), а также метод триадных полей (Маврина, 2008), благодаря чему и была выделена, сформулирована и проанализирована категория «структура научно-методологического поля (*социогуманитарной парадигмы*) как система».

В теоретическом аспекте особый интерес вызывал анализ научной методологии в контексте, во-первых, категории «поля» и, во-вторых, категории «дискурса». Триада понятий «поле-дискурс-методология» должна была дополнительно (и пока частично) охарактеризовать такой «идеальный объект» более масштабного исследования как «методологически подготовленный исследователь» (журналистики *(в перспективе)*).

В строгом значении слова (в узком смысле) методология представляет собой «целостную систему методов познания действительности, структурно представляющую собой *иерархию*, и ставящей целью максимально адекватное (приближенное к истине) описание, объяснение и прогнозирование (с целью управления) бытия того или иного объекта действительности» (Дмитровский 2018: 22). Понятно, что такая методология есть конечный «продукт» длительного коллективного творчества «специально обученных» людей, с помощью которого все члены общества получают приемлемый способ относительно самостоятельного исследования или интерпретации реальности. То есть методология выступает совершенно конкретным инструментом, готовым к использованию в соответствующей ситуации (как, скажем, очки, молитва или лопата). Другое дело, что методология чаще выступает продуктом духовного, умозрительного порядка.

В более широком социальном контексте, понимаемая, например, как методология науки, то есть *предметно-тематическая и познавательная деятельность человека в её специфике и взаимосвязях*, методология (методологическое творчество)

представляет собой разновидность социальной коммуникации. Если, как справедливо утверждает А.В.Соколов, коммуникация вообще – это «опосредованное и целесообразное взаимодействие двух субъектов», то социальная коммуникация представляет собой «движение смыслов в социальном времени и пространстве» (Соколов, 2002: 39). Смыслы, движущиеся в социальном пространственно-временном континууме, представляют собой знания, умения, стимулы, эмоции, а также «мотивы» и «экзистенциалии» (Дмитровский 2011: 170-171). Соответственно методология, концентрирующая в себе преимущественно знания и умения (понимание реальности с целью управления её объектами), выступает частью (разновидностью) «социального пространства-времени» и потому необходимо имеет аналогичную структуру *континуального организационного порядка*.

При этом следует отметить, что сам термин «коммуникация» («обмен») подразумевает больше горизонтальные взаимодействия между людьми, причём носящие, как правило, нейтральный или даже отчуждённый (операциональный) характер: «коммуникационное действие – завершённая операция смыслового взаимодействия, происходящая без смены участников коммуникации» (Соколов, 2002: 41). Но методологическое творчество носит принципиально иной (в идеале), нежели коммуникация, характер.

Коллективное познание реальности носит характер **общения**: которое, помимо перцептивной и коммуникативной сторон, включает в себя ещё и «обмен не только словами, но и действиями согласно принятой программе совместной практической деятельности» (Соколов, 2002: 67). В частности, общения научного: как в виде формальных когнитивных форм (всевозможных обсуждений – конференций, симпозиумов, журнально-книжной продукции и критики, совместных исследовательских проектов и грантов), так и в виде неформального обсуждения идей и теорий друг друга («невидимый колледж»). Цель – выработка консенсуса по наиболее значимым социально-теоретическим вопросам данной сферы науки.

В конечном итоге, целью всех форм научных коммуникаций выступает научное знание, особенность которого заключается в том, что оно добывается и фиксируется специализированными научными методами и средствами. При этом это знание стремится к выработке совместного единого («общего», «коллективного») представления о предметах окружающей человека действительности на основе критериев объективной значимости, истинности и проверяемости любых её (науки) утверждений. Иными словами, можно утверждать, что научно-методологическое знание представляет собой «особую форму физической реальности наряду с веществом», то есть «поле» (Лебедев, 2008: 233). Категория поля подчёркивает в данном контексте духовный характер феномена научной методологии: в частности, тот

факт, что как любая интеллектуальная традиция, она порождает надындивидуальную умозрительную реальность, своеобразную «силовую среду» для учёных и заказчиков результатов их творчества.

Можно сделать промежуточный вывод: научно-методологическое поле – как наиболее полная совокупность методов и процедур получения, обоснования и применения знания (способов познания мира) – является «физической системой с бесконечным числом степеней свободы» (Лебедев, 2008: 233) предназначенной для адекватного отражения и моделирования реальности, и обладает определёнными «вещественными» характеристиками, например, неоднородностью (прерывистостью) – где-то насыщенное методологическим инструментарием, в другой своей части оно может иметь «провалы» (как в теории журналистики).

Подобно полям физическим, социально-смысловое поле научной методологии также имеет свой «источник» и «носителей»: конкретных материальных людей – учёных и исследователей, создающих относительно исследуемого окружающего мира совокупность точек зрения (носящих, ещё раз отметим, системный и доказательный характер), связанных в единую «научную картину мира». Так мы выходим на вторую важную для нашего исследования категорию – понятие дискурса и дискурсивного поля (дискурсивности в целом).

Исследователь В.И.Ильин даёт идеальное по своей простоте и гносеологической ёмкости определение: «Дискурс – это организация социального взаимодействия по поводу определения реальности» (Ильин, 2007: 3). Если соединить данную дефиницию с теми выводами относительно научно-методологического поля, к которым пришли мы, то получается ряд интересных определений:

- *наука* – организованное социальное взаимодействие относительно определения сущности и объектной структуры реальности;
- *научная методология* – организованное социальное взаимодействие относительно определения наилучших способов познания (определения) реальности;
- *научно-методологическое поле* – дискурс, специфически определяющий реальность и порождающий различные формы отношения к ней, разные её образы (интерпретации) и соответствующие стили жизни, а в конечном итоге – те или иные формы организации социальности.

То есть дискурс порождает «социокультурное поле», а затем и совокупность социальных институций: «В рамках такого поля возникает активное интеллектуальное взаимодействие как в пространстве (между современниками), так и во времени (с предшественниками). В то же время дискурсивные поля разделяются границами, на которых взаимодействие существенно ослабевает либо

прекращается. Дискурсивное поле – это смесь интеллектуального и социального полей, здесь словесное взаимодействие трансформируется в определенный тип социальной практики. В каждом поле свой специфический набор ресурсов, своя культурная программа и коммуникативная система» (Ильин, 2007: 16).

Таким образом, **научно-методологическое поле** стало возможным определить как *социальный пространственно-временной и интеллектуально-смысловой континуум, отграниченный от иных дискурсов функционально-познавательной задачей получения адекватной, истинной и полезной информации о различных предметах окружающей человека действительности с помощью специфических научных методов и средств, и реализующий себя в различных формах социальной практики*.

Оставалось лишь рассмотреть структуру Н-МП.

Результаты

Как и любая дискурсивная структура (методологическая матрица), научно-методологическое поле имеет определённую структуру. Н-МП представляет собой конструкт «ядро – ближний круг – периферия»: точнее это, графически, скорее система концентрических кругов, расходящихся от центра (ядра) к периферии, где ядром выступает «научная парадигма исследователя» (по Е.П.Прохорову).

Научная парадигма исследователя (НПИ) представляет собой триаду, одной из «вершин» которой выступает материальный живой **субъект** научной деятельности (остальными – информационно-смысловые структуры):

– **личность** исследователя (в данном аспекте – его *мировоззренческие ценности и установки*: зачастую неосознаваемый «дальний круг»; это – социально-философская сторона НПИ);

– научно-*журналистские знания* (теоретико-журналистская сторона НПИ);

– общенаучная *методология* (методолого-гносеологическая сторона НПИ).

Логическое развёртывание данной триады позволило обосновать шесть уровней познания реальности с соответствующими им методологическими палитрами («кластерами») получения, интерпретации и организации знаний.

1) уровень прикладных исследований – методики и процедуры;
2) уровень эмпирических исследований – конкретный метод;
3) частнотеоретический уровень – подходы и методологии;
4) парадигмальный – метатеории и парадигмы;
5) мировоззренческий – философские категории и основания;
6) концептуальный – идеалы и Абсолюты (концепции человека)

(Дмитровский 2020: 21).

Это структурное ядро Н-МП обладает и рядом «интегральных» характеристик – общих элементов, составляющих дискурсивное поле (Ильин, 2007: 16-18).

Так, важнейшим ресурсом строительства (формирования) дискурса выступает *язык общения*. Он проявляется прежде всего в общности категориального аппарата описания и упорядочивания реальности. Далее язык служит средством репрезентации и обсуждения реальности в соответствующем контексте: конкретной теории, философском учении или мировоззренческих установках. Это позволяет участникам одного дискурсивного поля понимать друг друга, опознавать по принципу «свой-чужой» и спорить по существу обсуждаемых проблем. Более того, сама «заданность» проблематики («головоломки» для обсуждения, ракурсы и подходы к их решению, презентация решений и потребление интеллектуального продукта) априорно актуализируется языком: набором общих ключевых понятий и категорий, методов, теорий и парадигм, трактуемых более или менее единообразно.

Даже беглого взгляда на методологическое поле науки о журналистике достаточно, чтобы понять всю сложность выстраивания полноценного научно-теоретического дискурса теории журналистики. Понятно, какой испытывает стресс начинающий исследователь медиа, погружаясь в журналистскую методологическую дискурсивность: по статистическим данным, собранным социологами ф-та журналистики МГУ, на данный момент прослеживается несколько десятков направлений формирования теории журналистики, однако единства нет и в помине: «Российские академические исследования СМИ и журналистики представляют собой сегодня «пестрое поле», на котором еще не все составляющие его «кусочки» нашли свое место и скрепились друг с другом. <…> Очевидна растущая потребность в актуализации теории СМИ и журналистики. Ведь несмотря на то что социально-экономический контекст в обществе принципиально изменился, как и изменились сами массмедиа и журналистика, теория СМИ все еще не сформулировала новые понятия природы, миссии и особенностей функционирования профессии и современной медиасреды» (Вартанова, 2015: 21).

Следующий важнейший элемент – конструируемая категориальным аппаратом смысловая *граница дискурсивного поля*. «На границах дискурсивного поля происходит смена ключевых категорий или по крайней мере вкладываемого в них смысла» (Ильин, 2007: 16). Граница смыслового поля характеризуется непониманием – частичным или полным: тексты чуждого дискурсивного поля кажутся читателю написанными «на птичьем языке», когда интуитивно угадывается лишь общий, чаще всего иллюзорный смысл написанного,

а вести полноценное обсуждение проблемы с оппонентом в таком случае просто невозможно. То же касается и методологических подходов: подобно древним мастеровым, считавшим свои инструменты священными и под страхом смерти не позволявшим никому к ним прикасаться, многие исследователи «боготворят» только тот методологический инструментарий, что был «впитан» ими от своего научного руководителя и любое предложение его обновить или переосмыслить воспринимают как осквернение символа веры.

Структурно внутри дискурса активно формируется третий элемент дискурсивного поля – *дискурсивное древо*. «В пределах одного поля работы разных авторов питают друг друга, вырастая одна из другой как ветви дерева, стволом которого выступают труды классика или классиков. Идеи одного автора развиваются, уточняются, переносятся другими на новое предметное поле. В результате совокупность нередко очень большого числа авторов превращается в единый интеллектуальный поток» (Ильин, 2007: 17). Очевидно, что именно таким «интеллектуальным потоком» и стала советская теория печати: её классики – В.И.Ульянов (Ленин) (как бы мы ни относились к его политическим взглядам) и отчасти Алексей Пешков (Максим Горький), заложившие фундамент теории (принцип партийности и метод соцреализма), стали массово цитируемыми, их мысли и идеи пересказывались, использовались в качестве аргументов и фактов… Однако так и не появилось крупных продолжателей их идей («лидеров-толкователей» по В.И.Ильину), сумевших развить идеи основоположников в полноценные теории, основать новые предметные области (как Антонио Грамши в Италии или, позже, философ левого толка Реже Дебре во Франции (Грамши, 1959; Дебре, 2010) или сформулировать альтернативную отечественную теорию («индигенную» – Загидуллина, 2015).

С этой стороны совершенно логично (как было сказано в цитате выше), что «российские академические исследования журналистики» представляют собой сегодня «пёстрое поле»: концепты классиков отвергнуты, наследников-продолжателей не появилось, следовательно, исходя из строения (иерархии) дискурсивного поля (Ильин, 2007: 17), непосильная задача создания общей теории журналистики ложится на плечи «активистов» – энергичных деятелей дискурсивного поля и их «приверженцев»: исследователей узких предметных областей и отдельных тем.

Активизируется четвёртый элемент – так называемая «*дискурсивная слепота*». Ситуация «очаговой рассредоточенности», когда исследователи группируются вокруг авторитетно-энергичных, как правило непосредственно руководящих ими, лидеров, образуя локальные дискурсивности. В подобной ситуации, к сожалению, типичной реакцией на всё новое (иногда всё же доходящее из соседних,

параллельных дискурсивных полей) становится реакция игнорирования коллег, особенно их «периферийных» идей и теорий. Об этом с горечью писал Е.П.Прохоров: «Нельзя не огорчаться тому, что «*методологическая критика*» в науке о журналистике в явном виде практически не существует, проявляясь лишь попутно, особенно при полемических схватках. <…> Любопытно напомнить, что исследователи публицистики (а выпущено ими в итоге десяток книг) практически не дискутировали друг с другом, а выдвигали свои концепции на основе субъективно сформулированных парадигм. То же происходит в наше время с общей теорией журналистики» (Прохоров, 2005: 40).

С точки зрения дискурса, эти негативные факты во многом объясняет пятая характеристика дискурсивного поля – его *силовой характер*. Дискурсивное поле обладает незримой принудительной силой по отношению к попавшим в него авторам и ученикам – чтобы не стать изгоем и не попасть относительно «тусовки» в вечную «френдзону», необходимо разделять принятые здесь ценностные ориентации, придерживаться принятой здесь проблематики и говорить на принятом здесь общем языке. «Дискурсивные поля оказывают мощное влияние на организацию потребления тех, кто в них оказался. Самоидентификация и внешняя идентификация часто связаны с принадлежностью к тому или иному дискурсивному полю. «Я» определяется через то поле, в котором разворачивается его духовная жизнь. Духовный, интеллектуальный дискурс (обмен идеями, мнениями) создает атмосферу, в которой совершается потребительский выбор. Принадлежать к данному полю – значит включиться в его дискурс, «быть в курсе», быть в состоянии высказаться, оценить или просто продемонстрировать осведомленность («я это тоже читал, смотрел, видел») (Ильин, 2007: 19).

Любая форма социального взаимодействия имеет *тенденцию к институционализации*. Её самая слабая форма – неформальные мероприятия и объединения: совместные праздники, встречи (дружеские банкеты, ужины, вечера), клубы (рыбалка, охота, спорт). «Многие научные семинары, конференции – типичное проявление институционализации дискурсивных полей в науке. Сильная форма институционализации – создание научных, печатных, учебных органов, ассоциаций, союзов, которые действуют в пределах одного дискурсивного поля» (Ильин, 2007: 18). Каждая теория (учение), набор идей или ценностей, способов анализа реальности, оформившись в совокупности вербальных высказываний, порождает «воронку социальности»: меру энергии коллективного разума, затягивающего на свою орбиту формирующих свою научную парадигму исследователей.

Логично, что сторонники одного дискурсивного поля формируют

дискурсивное сообщество: совокупность людей, производящих и потребляющих духовную продукцию в рамках одного дискурсивного поля. Маркер «свой – чужой», как отмечают палеопсихологи (Поршнев, 2017), является одним из самых древних, и потому особенно значим в неоязыческую эпоху толпо-элитарного общества. Как только «незримый колледж» сформировался – включаются механизмы «закрытия» дискурсивного поля от «дилетантов»: языковой барьер, поклонение авторитету, монополизация ресурсов, расслоение ядра и периферии, привилегии – присвоение прав на выступление или «отключение микрофона», ужесточение границ и различные цензы.

Обсуждение

Анализ научно-методологического поля (Н-МП) как дискурса показал ряд важных моментов.

I. Научное знание («интерпретация» или «определение реальности») имеет определённые масштаб и форму представления (единицы, типы) в зависимости от структурного уровня поля:

1) На прикладном уровне – эмпирические факты и частные случаи (флуктуации, мутации), а также их искажённые, по Е.П.Прохорову, формы: «фактики» (мелкие, недостойные внимания факты, затемняющие либо мистифицирующие сущность явления) и «фактоиды» (попросту «пустые» факты с преувеличенным, ничем не подтверждённым содержанием; ложные факты). Стоит отметить, что мы ориентируемся на определение факта, специально выведенное нами для журналистики ранее (в силу отсутствия такового в её теории): «факт есть совокупность проверяемых деталей» (Дмитровский 2014).

2) На эмпирическом – явления и феномены, научные факты и эмпирические закономерности, отражаемые в «феноменологических концепциях». Суть метода «в изучении *индивидуальных объектов* из всех трех областей получения эмпирических данных (*личное наблюдение; опрос участников; анализ документов*; – А.Д.), в ходе которого происходит *феноменологический* (греч. phainomenon – особое и необычное явление) анализ этих конкретных «социальных объектов». <…> Феноменологический анализ – это своего рода case study, исследование случая, отдельного явления, состояния, поступка, мотива. Характерность явления и, соответственно, мера научной значимости проявится позднее, в ходе исследования» (Прохоров, 2005: 107). При этом концепция понимается учёным как «системное представление о сущности предмета изучения, объединённое единым замыслом и, желательно, дающее полную его характеристику» (Прохоров, 2005: 158).

Таким образом, суть «феноменологических концепций» исследований журналистики, зачастую сводится к дискурсивной практике поддержания культурно-символических и смысловых кодов

«своего» исследовательско-тематического поля. Эта ситуация, по всей видимости, во многом и порождает три подводных камня, о которые разбивается любая попытка построения общей теории журналистики: методологическую автаркию, терминологический хаос и «эмпирический априоризм» (вынужденный «дурной круг» эмпирико-прагматической направленности массива исследований).

3) На частнотеоретическом уровне единицами знания выступают проблемы, теоретические исходные (базовые) понятия, теоретические (идеальные) объекты, принципы и законы, частные (дисциплинарные) научные теории. Идеальный объект в науке – это сущность (реальная или абстрактная, естественная или сконструированная), находящаяся вне сознания учёных и являющаяся предметом их исследования; в социогуманитарном знании – идеальный тип, идеальная модель исследуемого «предмета» социальной реальности, соединяющая в себе когнитивные и ценностные содержания об объекте исследования (Лебедев, 2008: 219,368).

4) На парадигмальном – научные теории как логические доказательные системы, эмпирическая или семантическая интерпретация теорий, выведенные с её помощью эмпирические проверяемые следствия теорий, общенаучные понятия и принципы.

5) На мировоззренческом – философские основания и категории, относящиеся к конкретным фундаментальным теориям, философская и общенаучная, а также общекультурная интерпретация отдельных теоретических понятий и принципов.

6) На концептуальном – анализ идеалов и абсолютов (абсолютных ценностей), лежащих в основе «концепции человека» как источника обусловленности любых интерпретаций реальности (мысленных конструктов социальности).

II. Дискурсивный анализ также подтвердил, что набор научно-методологического инструментария учёного (способы интерпретации реальности) точно соответствуют уровневой структуре Н-МП, это:

1) прикладные методики и процедуры
2) эмпирика – конкретный метод
3) теория – подходы и методологии (частные теории)

и далее:

4) метатеории и парадигмы
5) философские категории и основания
6) идеалы и Абсолюты (концепции человека)

III. Возникло также терминологическое уточнение. В начале исследования в качестве характеристики ядра Н-МП использовался термин Е.П.Прохорова «научная парадигма исследователя». Однако практика его использования в теории, как и в учебной деятельности («Методология и методика медиаисследований»), выявила недостаток – плохую запоминаемость: словосочетание «научная парадигма» давно

и крепко связано с терминологической практикой более высокого порядка. В процессе совместного обсуждения была предложена категория «персональной исследовательской парадигмы» (ПИП), которая, с одной стороны, сохраняет в категории базовое значение термина «парадигма», а с другой, даже при усечении в процессе речевой практики части словосочетания, сохраняет «индивидуальный» смысл методологического конструкта.

Выводы

Анализируя результаты III Международной научно-практической конференции «Современные направления в лингвистике и преподавании языков» (Пенза, ПГУ, 24-27 апреля 2019 г.), Т.В.Дубровская и Е.А.Кожемякин констатировали весьма актуальную сегодня негативную тенденцию (характерную для всей науки в целом, но особенно острую, отметим, – для теории журналистики): «В современных работах по лингвистике и лингводидактике обращает на себя внимание тот факт, что методология исследования зачастую не только не получает должного описания, обоснования и представления в научном тексте, но и часто не соответствует обозначенным целям, задачам и предмету исследования. Такое легковесное отношение к методологической стороне научного поиска приводит к ненадежности и недостоверности полученных результатов» (Дубровская, Кожемякин, 2019: 45). Конференция и была призвана коллегиально рассмотреть наиболее острые проблемы методологии научных исследований по достаточно широкому спектру научной проблематики, в частности: Каковы критерии, определяющие корректность методологической базы? Как сохранить четкость и однозначность аналитических категорий? Какие факторы определяют методологическую состоятельность научного поиска? Как междисциплинарность меняет принципы научного исследования?

Проблема метода – вечна в науке. Несмотря на то, что мир очевидно един – и потому принципиально познаваем, наше знание о нём всегда будет относительным: хотя бы в силу ограниченной способности человеческого мозга и разума (впрочем, это тоже «относительная аксиома»). Поэтому вечное стремление (приближение) познания к абсолютной истине будет неуклонно требовать методологического перевооружения, выработки всё новых философских оснований, научных парадигм и соответствующих методов исследований.

Предложенная выше категория научно-методологического поля (Н-МП) относится к инструментальной разновидности дискурс-анализа, понимаемого как анализ конкретного дискурсивного поля (дискурсивной практики, дискурса), в нашем случае – научно-

методологического инструментария медиаисследователя – с помощью сознательно и системно конструируемой исследователем персональной исследовательской парадигмы.

В этом смысле Н-МП, как показывает опыт её «чернового» пока практического применения, может выступать понятийно-категориальной матрицей для «сборки» («дизайна») собственной методологической парадигмы не только для анализа научно-методологического дискурса журналистики (как в нашем задании), но и любой другой культурно-социальной проблематики. При этом её сильными сторонами является чёткая структурно-субординационная стройность и возможность выстраивания мультипарадигмальных («мультимодальных» – Е.А.Кожемякин (Кожемякин, 2019) подходов и парадигм.

Главное, что от субъективных интенций и «метода перебора вариантов», матрица методов (учитывая всё её несовершенство) позволяет перейти к сознательному установлению и формулированию внутренних взаимосвязей между ключевыми звеньями персональной исследовательской парадигмы: установочно-предпосылочных, предметно-познавательных и процедурных (Дубровская, 2019).

Примечания:

1. «Вульгарный экономизм», «либеральный волюнтаризм», «наша профессия – новости» и др.

Список литературы:

Боуш Г.Д. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник / Г.Д. Боуш, В.И. Разумов. – Москва: ИНФРА-М, 2020. – 227 с. – (Высшее образование: Аспирантура)

Вартанова Е.Л. Современные российские исследования СМИ: обновление теоретических подходов // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 10. Журналистика. – 2015. – № 6. – С. 5-26.

Грамши А. Тюремные тетради. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – (Избранные произведения : В 3 т: Пер. с итал; Т.3). – 565 с.

Дебре Р. Введение в медиологию / пер. с франц. Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2010. – 368 с.

Дмитровский А.Л. МЕТОДИКА МЕДИАИССЛЕДОВАНИЯ: Учебно-методическое пособие. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Орёл: ИПФ «Картуш», 2018.

Дмитровский А.Л. Мотивация и развитие личности журналиста // Учёные записки Орловского государственного университета. Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 1 (39). – С. 170-176.

Дмитровский А.Л. О систематизации определений слова «журналистика» // Проблемы массовой коммуникации. Материалы междунар. науч.-практ. конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью 14-16 мая 2020 г. Ч. 1. / Под общ. ред. проф. В. В. Тулупова. – Воронеж: ф-тет журналистики ВГУ, 2020. – С. 20-23.

Дмитровский А.Л. Проблема факта в медиатексте // Ученые записки

Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 1 (57). – С. 203-213.

Дмитровский А.Л. Объект и предмет общей теории журналистики // Современный дискурс-анализ. – 2018. – № 3-1 (20). – С. 16-22.

Дубровская Т.В. «А был ли метод?»: о принципах и категориях современного дискурс-анализа // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода : сб. науч. ст. по материалам III Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Т.I. Методы в лингвистике / под общ. ред. Т.В. Дубровской. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. – С. 9-15.

Дубровская Т.В., Кожемякин Е.А. О методах современной лингвистики и лингводидактики // Современный дискурс-анализ. № 1(22). – 2019. – С. 45-57.

Загидуллина М.В. Теория журналистики: к вопросу об индигенизации отечественных медиа-исследований // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2015. – № 1 (15). – С. 64-73.

Иващенко Г.В., Науменко Т.В. Философские проблемы теории журналистики как область исследований // CREDO NEW: электрон. теоретический журнал. URL: http://credonew.ru/content/view/142/51/

Ильин В. Потребление как дискурс // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2007. – Том X, Специальный выпуск. – С. 3-26.

Кожемякин Е.А. Мультимодальный медиадискурс: методологические вызовы // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода : сб. науч. ст. по материалам III Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Т.I. Методы в лингвистике / под общ. ред. Т.В. Дубровской. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. – С. 19-24.

Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). Научное издание / С.А.Лебедев. – М.: Академический проект, 2008. – 692 с. – (Gaudeamus).

Маврина И.А. Эволюция предмета, цели и задач социальной работы / И.А. Маврина, В.И. Разумов // Социальная педагогика и социальная работа в Сибири. – 2008. – №1. – С.29-38

Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2017. – 542 с.

Прохоров Е.П. Исследуя журналистику. – М.: РИП-Холдинг, 2005. – 202 с. – (Практическая журналистика).

Светлов В.А. Современная логика: учеб. пособие. – СПб.: Питер, 2006. – 400 с.

Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 461 с.

Дмитровский Андрей Леонидович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, (г. Орёл), *dmitrovskiyal@ya.ru*